

— Просто расспросил, куда направились те трое. Разве вы не съехали? Я думал, вы больше не вернетесь, вот и сказал правду. После этого он отправился в ту гостиницу, где остановился клан Лю.

Из-за того, что ему не удалось удержать гостей, трактирщик даже отчитал его, и парнишка чувствовал себя немного обиженным.

Фу Сиянь же посчитал этого юношу сияющей звездой удачи и тут же выудил мелкие серебряные монеты в знак благодарности, вмиг разогнав тучи в душе работника.

Чу Шаоян явился явно не с добрыми намерениями, от него жди беды, а потому задерживаться здесь дольше было нельзя.

Фу Сиянь поспешно увел людей. Перед уходом он дал работнику кругленькую сумму за молчание, чтобы тот «забыл», будто они вообще сюда возвращались. Проходя через торговую улицу, троица смела целую кучу всякой всячины.

Швейцар усадьбы Лю, увидев их узлы и свертки, решил, что они просто ходили забрать свои вещи, и не стал задавать лишних вопросов.

Вернувшись в комнату, Чжунсинь и Гэнгин принялись расставлять купленные пожитки и заодно с любопытством гадали, зачем понадобилось столько всего.

Фу Сиянь с видом знатока ответил:

— Период карантина, запастись впрок всегда полезно.

Чжоу Гэнгин опешил:

— Карантин от чего?

Фу Сиянь скрипнул зубами:

— От чумы по фамилии Чу.

Он уже в сто первый раз пожалел о том, что в порыве минутной слабости согласился на поединок с Чу Шаоянем. Знай он заранее, что этот тип — прилипчивая ядовитая конфета, он бы усадил его на алтарь, день и ночь воскурял благовония и молил Будду забрать его куда подальше.

Теперь жалеть было уже поздно: впереди волк, позади тигр — приходится действовать по

обстоятельствам.

Ночь выдалась длинной, нужно было чем-то заняться. Прибравшись в комнате, троица заварила чай, достала сладости и принялась перекусывать да болтать. Вдоволь и от души отругав Чу Гуана, Чу Шаояна и Чжан Дашаня за их свиное поведение, они успокоились и снова завели разговор о деле об исчезновении людей в усадьбе Лю.

Фу Сиянь рассуждал так:

— Семья кормилицы исчезла, когда пошла на свадебный пир; охранники пропали, когда искали людей; гость ушел и сгинул неизвестно где; старик-закупщик, хоть ничего и не говорил, но подозревают, что он присвоил деньги, так что, скорее всего, это случилось во время закупки на казенные средства. Обобщая всё вышесказанное: уйти гораздо опаснее, чем остаться.

Вспомнив свой недавний визит обратно в гостиницу, все трое мысленно перекрестились.

Была у Фу Сияня еще одна мысль, которую он озвучивать не стал. Если бы они ушли из усадьбы Лю и были убиты Чу Шаоянем или Чжан Дашанем, готовые козлы отпущения нашлись бы сами собой. В условиях одинаково враждебной обстановки прямая угроза собственной жизни, разумеется, пугала куда сильнее, чем потенциальные враги в усадьбе Лю.

Он произнес:

— Давайте представим. Допустим, дело об исчезновении людей в усадьбе Лю — дело рук человека, а похититель — некий Х. Какова же цель этого Х? Не что иной, как месть, нажива, недобросовестная конкуренция или что-то в этом роде.

Братья Чжоу кивнули.

— Если это месть, то похищение — лишь прелюдия. Когда в усадьбе Лю все начнут охвачены паникой, возможны два исхода. Первый: сила Х больше силы усадьбы Лю. Тогда в конце концов он, скорее всего, объявится и нанесет усадьбе Лю смертельный удар. Второй: сила Х меньше силы усадьбы Лю. В таком случае они могут вовремя остановиться и через какое-то время вернуться снова.

У обоих слегка закружилась голова, но при этом они на миллиард процентов со всем согласились.

Фу Сиянь внезапно почувствовал вкус к решению задач и продолжил анализ:

— Если цель — нажива, то после обязательно пришлют письмо с требованием выкупа. Усадьба Лю может либо откупиться деньгами, либо воспользоваться случаем и схватить преступника. Первый путь временно обеспечит безопасность, но породит бесконечные беды в будущем;

второй — сопряжен с риском, но раз и навсегда избавит от проблем. У каждого варианта свои плюсы и минусы.

Братья Чжоу то и дело кивали, готовые хоть сейчас позвать главу усадьбы Лю, чтобы тот послушал лекцию и поучился.

— Ну а если это конкуренция... — Фу Сиянь вспомнил профиль усадьбы Лю — преданность долгу, помощь людям — и невольно нахмурился. — Неужели этот Х равен Сун Цзяну? Усадьба Лю, как же негостеприимно тут у вас...

Просто тоска берет.

Чжунсинь и Гэнгин переглянулись. Они винили себя в низком уровне образованности — за ходом мысли уследить не получалось вовсе.

Чжоу Гэнгин терпел-терпел, но все же не удержался:

— Кто вообще этот утка-крест-дед такой и зачем ему быть похитителем? И кто такой Сун Цзян, почему он должен равняться утка-крест-деду? И еще: стоит ли нам рассказать главе усадьбы про утка-крест-деда и Сун Цзяна?

— ... — Фу Сиянь выдавил из себя фальшивую улыбку. — Насчет утки я не уверен, но тебя точно крест-накрест прихлопнут.

Чжоу Гэнгин молча захлопнул рот.

Троица болтала обо всём на свете до самого рассвета, пока под уговоры Чжоу Чжунсиня не улеглась спать с чувством легкой недосказанности.

Фу Сиянь полежал на кровати, с ностальгией вспоминая те бурлящие студенческие годы, когда они обмахивались веерами-пальмами, повязывали полотенца, братались с соседями по комнате и клялись небесными карами тем, кто донесет на них преподавателю. Погруженный в эти воспоминания, он заснул и уже видел во сне, как «сосед по комнате купил эскимо, а в него вместо палочки воткнули красный кирпич», как вдруг его разбудил шорох открывающейся двери.

Протерев глаза, он приподнялся: оказалось, пришел Го Пин.

Го Пин как раз собирался найти кого-нибудь из гостевых лекарей, чтобы сообщить о своем уходе, но швейцар сказал, что его друзья живут здесь еще с прошлой ночи, и он сразу же направился к ним.

Объясняя причину того, почему они остались, Фу Сиянь весомо и твердо заявил:

— Отступить без боя — не в наших правилах!

Не хочешь говорить — и не надо, Го Пин не стал допытываться, а лишь спросил, будет ли пациент лечиться дальше.

Фу Сиянь подумал:

— Раз уж пришли...

Поскольку в усадьбе произошло ЧП, лекари тоже сидели без дела. Стоило Го Пину позвать, как тот сразу явился, с серьезным видом прощупал пульс в течение целой минуты и извлек целый арсенал медицинских принадлежностей. Фу Сиянь, лежа на кушетке лицом вниз, мысленно сокрушался: никак он не ожидал, что, сделав такой огромный круг, в конце концов всё равно не минует участи банок.

Он снова провалился в полусонное состояние, пока кто-то не начал возиться у него на спине. Открыв глаза, Фу Сиянь услышал, как Го Пин тихо спрашивает:

— Холод вроде бы не вышел?

Приглашенный лекарь невозмутимо ответил:

— Застарелая студень, разве ее так быстро вытянешь до конца?

Фу Сиянь скосил глаза, пытаясь разглядеть собственную спину.

...Зря старался — увидеть ее он не мог.

Воспользовавшись тем, что Го Пин вышел проводить гостя, Чжоу Гэнгин зашушукался:

— Что за лекарь? Даже банки ставить не умеет. Ставил-ставил полдня, а следов — ни малейших.

Чжоу Чжунсинь тоже кивнул.

Фу Сиянь знал, что его телосложение несколько отличается от обычного, поэтому пока не решался утверждать наверняка, в чем дело — в косяках врача или в его собственных особенностях.

Го Пин вернулся ближе к полудню, принес с собой лакомства в коробочке и лекарства.

Хотя усадьба Лю погрязла в кризисе, еду подавали на редкость обильную. Го Пин трапезничал вместе с ними, заодно делясь свежими новостями, которые только что узнал от другого лекаря:

— Говорят, кроме усадьбы Лю, в городке пропало еще два человека.

Заметив, что собеседник брызжет слюной во время еды, Фу Сиянь тут же потребовал:

— Раскладываем по отдельным мискам!

Столик оказался слишком мал, поэтому четверо мужчин, разделив еду — причем зараженную чечевицу Го Пин великодушно забрал себе, — уселись на корточках по углам комнаты.

Го Пин вытер рот и продолжил:

— Те двое пропали на день раньше старика-закупщика: один — местный задира, другой — ходячий справочник по всем слухам.

Фу Сиянь невзначай поинтересовался:

— В какой день?

Го Пин назвал дату, и Фу Сиянь остолбенел: не в тот ли самый день... когда они прибыли?

Во дворе слышались шаги, и вскоре на двери проступили чьи-то силуэты. Кто-то постучал:

— Присутствуют ли трое стражников?

Из-за двери Фу Сиянь расслышал не всё и, вытаращив глаза, поднялся:

— Стражники 360?

За дверью тоже не расслышали:

— Вы стражники?

Даже после перемещения в другой мир искать стражников 360 — такую навязчивую идею мог иметь только...

Фу Сиянь отставил миску и взволнованно распахнул дверь:

— Вы случайно не... господин Чжоу?

В спешке он даже не вспомнил про такие пароли, как «Небесный царь усмиряет тигра» или «Пекинская олимпиада», а выпалил напрямую:

— Когда вы уходили, кто там на горячих трендах разводился и расставался?

Собеседник на мгновение замер, перевел взгляд на остальных троих, которые сидели по углам с мисками в руках и трапезничали на корточках, снова растерялся, но затем сложил руки в приветственном жесте:

— Моя фамилия Тан, я здешний начальник стражи.

Пылающий энтузиазм Фу Сияня вмиг остыл:

— Разве вы не искали тр... троих...

— Трех стражников?

Обретя хладнокровие, Фу Сиянь развернулся и собрался уходить:

— Ой. Ошиблись дверью.

Начальник стражи опешил:

— Разве вы не из императорской гвардии?

Сообразив что к чему, Фу Сиянь вернулся:

— Раз уж вы так настойчивы, значит, у нас судьба, так что пускай будем мы.

Начальник стражи и остальные стражники: «...»

Начальник стражи тихо кашлянул, жестом велел подчиненным следить за выражением лиц, и обратился к Фу Сияню:

— Мы пришли сюда по поручению главы усадьбы Тан, у нас есть к вам дело. Глава Тан уже

приготовил угощения и просит нескольких стражников оказать ему честь.

Посмотрев на недоеденную рисовую кашу в своей миске и не желая ее выбрать, Фу Сиянь подумал, что ему еще предстоит здесь гостить, и предложил компромисс:

— Ладно, тогда мы захватим пару своих блюд?

Начальник стражи бросил взгляд на остатки чужой еды в его миске и на мгновение лишился дар речи.

Го Пин остался под предлогом необходимости варить лекарство.

Свита Фу Сияня, держа миски в руках, последовала за начальником стражи, и только тут они поняли, насколько глубоки дворы усадьбы Лю: один за другим, просторные и раскидистые, они казались даже богаче резиденции маркиза. Стало быть, это цены на землю ограничивают площадь будущей достопримечательности Сианя!

Чтобы не возникало неловких пауз, начальник стражи принялся попутно расписывать устройство усадьбы:

— Половина этой усадьбы была заново отстроена главой усадьбы десяток лет назад.

Фу Сиянь был потрясен. Неужели «преданность долгу и помощь людям» приносит такой огромный доход?!

Чжоу Чжунсинь проявил бдительность и поинтересовался:

— Вы с главой усадьбы Тан близкие знакомые?

Один из стражников с гордостью ответил:

— Глава усадьбы Тан — двоюродный дядя нашего начальника.

Чжунсинь и Гэнгин служили в резиденции маркиза и не понимали, чем тут можно гордиться, если речь идет всего лишь о каком-то главе усадьбы. Однако Фу Сиянь в прошлой жизни был простым человеком и прекрасно понимал это тщеславие — когда обычный человек состоит в родстве с известной личностью, поэтому он принялся сыпать любезностями: «Какая честь, какая честь».

Начальник стражи закономерно засиял от удовольствия.

Глава Тан накрыл пир в беседке, со всех четырех сторон окруженной водой, куда вел лишь один-единственный мост.

Шаг Чжоу Чжунсиня внезапно замедлился, а Чжоу Гэнгин заявил, что ему нужно в туалет. Начальник стражи отправил с ним стражника для компании, а остальные продолжили движение через мост.

В конце длинного моста одиноко и изящно возвышалась беседка.

Она называлась Беседкой без стыда, а на парных надписях красовалось изречение: Слава и богатство подобны дыму — проносятся мгновенно, а добродетель и милосердие к народу передаются сквозь века.

Начальник стражи немного сбавил шаг, а Фу Сиянь понял, что настало время его звездного часа. С непринужденной и искренней улыбкой он рассыпался в похвалах доброй славе усадьбы Лю, произнеся:

— Находясь в столице, мы уже были наслышаны о ваших праведных делах, а прибыв в Пэйцзе, убедились, что всё это правда.

Начальник стражи, однако, тяжело вздохнул:

— Добрые люди не всегда получают добрую награду. Гости, останавливающиеся в нашей усадьбе, должно быть, уже слышали недавние слухи.

Фу Сиянь осторожно ответил:

— Кое-что донеслось до наших ушей, и мы были бы не прочь узнать подробности.

Тогда начальник стражи изложил историю об исчезновении людей в усадьбе, которая практически слово в слово повторяла рассказ Го Пина, добавив лишь мелкие детали личных взаимоотношений: например, давние разногласия кормилицы с семьей жениха, пришедшего на свадебный пир, а также внутреннюю конкуренцию среди охранников.

Чем дольше слушал Фу Сиянь, тем тревожнее ему становилось. Если подумать, когда он в последний раз встречал случайных попутчиков, с которыми столь откровенно и глубоко откровенничал — это же был Третий принц, а после... тут можно пропустить десятки тысяч слов крови и слез. Во всяком случае, сейчас он сидит здесь и слушает байки о «призраках», которые рассказывает начальник стражи.

Эти пташки с виду выворачивают души наизнанку, а на самом деле норовят вырвать твое сердце и легкие!

От испуга Фу Сиянь принялся еще быстрее уплетать ложку за ложкой.

И верно, начальник стражи вскоре не выдержал, окольными путями начал выведывать их истинную цель и под видом представителя лагеря добра завуалированно попросил о помощи.

Ха-ха, в нынешние времена развелось столько искусных волков в овечьих шкурах, что даже честные люди начинают сомневаться в собственной принадлежности к добру — верить кому-либо глупо. Третьему принцу он отказать не смог, но в данном случае отказ просто обязателен.

Фу Сиянь слизал с уголка губ прилипшую рисинку и уже собрался разыграть из себя полного простачка, как появился Тан Гун.

Вразрез с представлениями Фу Сияня об олигархах, увешанных золотом и серебром, тот был в ученой шапочке и серых одеждах, с лицом изъятим словно из нефритовых пластин, а манера держаться отличалась невозмутимостью горного отшельника. К тому же шагал он твердо, выдавая в нем человека, практикующего боевые искусства.

Начальник стражи первым поднялся, чтобы встретить хозяина, Фу Сиянь и остальные тоже встали, а Тан Гун с улыбкой замахал рукой:

— Появление стражников озарило наш скромный дом светом. Прошу садиться, прошу садиться.

Фу Сиянь: «...» Ощущение было точь-в-точь как на уроке: староста кричит «встать», а учитель командует «сесть».

Стороны обменялись любезностями взад-вперед, разогревая атмосферу.

Тан Гун бесшовно подхватил прерванную тему начальника стражи, попутно интересуясь целью их визита и заявляя:

— Если потребуется помощь, не стесняйтесь обращаться. Я человек хоть и заурядный, но предки оставили мне скромное состояние, так что я вполне могу оказаться полезным.

Фу Сиянь прямо заявил, что они прибыли ради лечения.

Весь маршрут его передвижений по прибытии в городок Пэйцзе крутился вокруг лечебниц, так что он не боялся проверки.

На лице Тан Гуна промелькнуло удивление:

— Глядя на цвет лица вашего благородия, столь цветущий, и ваш необыкновенный вид, трудно сказать, на какие недуги вы жалуетесь. Мне знакомо немало выдающихся мастеров медицины, и если я могу чем-то посодействовать, смело говорите.

Тогда Фу Сиянь упомянул, что они уже пригласили доктора из этого поместья.

Тан Гун озадаченно посмотрел на начальника стражи, а тот пояснил:

— Доктор Лян.

На лице Тан Гуна отразилось понимание, после чего он с энтузиазмом порекомендовал еще нескольких гостевых лекарей, заикнувшись о том, что неплохо бы устроить совместный консилиум. Фу Сиянь в ответ сыпал благодарностями.

Пользуясь тем, что их отношения стали ближе, Тан Гун то ли невзначай, то ли намеренно стал выпытывать нужные сведения.

Фу Сиянь притворился наивным юнцом из богатой семьи, у которого предки накопили кое-какое состояние и пристроили по знакомству в императорскую гвардию. Стаж службы не превышал и месяца, мол, он еще новичок, и воспользовался этим моментом, чтобы вежливо отказаться от просьбы о помощи, которую озвучил начальник стражи.

Тан Гун с легким вздохом тут же перевел тему и принялся расхваливать изысканные блюда на столе. Как только Фу Сиянь расслабился и принялся за еду, хозяин тут же извинился, сославшись на дела, и покинул пир, поручив начальнику стражи остаться за хозяина.

Когда он удалился на достаточное расстояние, Фу Сиянь поделился впечатлениями:

— У главы усадьбы поистине выдающаяся манера держаться, обычным людям до такого далеко.

В поместье приключилась такая беда, а он всё равно нашел время лично выйти к гостям и вести пустые разговоры — то ли у него железные нервы, то ли он считает его, Фу Сияня, персоной великой важности. Впрочем, он упомянул лишь о принадлежности к императорской гвардии, не распространяясь насчет поместья маркиза, так что вряд ли здесь имелся какой-то скрытый умысел.

Один из стражников с гордостью в голосе произнес:

— Разумеется! Наш глава ведь цел...

— Кхм! — начальник стражи тяжело толкнул его локтем в бок.

Стражник вздрогнул и мгновенно захлопнул рот.

Заметив озадаченный взгляд Фу Сияня, начальник стражи смущенно пояснил:

— В молодости дядя целыми днями мотался по свету и повидал немало видов. По сравнению с такими деревенщинами, как мы, что носу не казали за пределы родных мест, он, конечно, человек выдающийся.

Стражник поспешно закивал в знак согласия.

Начальник стражи вдруг посмотрел в сторону моста:

— Тот стражник, похоже, отсутствует уже довольно долго?

Чжоу Чжунсинь ответил:

— У него с детства слабый желудок, я пойду захвачу ему немного сладостей.

У каждого из присутствующих были свои тайные мысли. Фу Сиянь, прикончив принесенную с собой еду, почувствовал насыщение, и начальник стражи благоразумно свернул застолье. Когда они перешли через мост обратно на сушу, Чжоу Гэнгин как раз возвращался со стороны уборной в сопровождении того самого стражника.

Начальник стражи проводил их до самого двора и только после этого повернул назад.

Неподалеку от Беседки без стыда возвышался трехэтажный водный павильон. Подходы к нему охранялись столь тщательно и надежно, словно это была несокрушимая стена — даже муха не пролетела бы незамеченной.

Когда начальник стражи вошел внутрь, Тан Гун как раз стоял у перил, всматриваясь вдаль.

Остановившись у него за спиной, начальник стражи почтительно поклонился:

— Дядя, они уже вернулись.

Тан Гун повернул голову: открытое и спокойное выражение его бровей и глаз исчезло, лицо заволокла тяжелая туча, придавая ему зловещий вид.

Начальник стражи, похоже, привык видеть его таким, и продолжил:

— Всё, что они сказали, совпадает со словами лекаря Ляна и работника трактира. Похоже, это правда.

Тан Гун холодно усмехнулся:

— Лгут напропалую. Это первостатейные мошенники. Настоящий мастер всегда говорит правду на девять частей и лжет лишь на одну, но именно эта крошечная доля лжи способна лишить тебя жизни.

Начальник стражи поспешно опустил голову, признавая вину.

Тан Гун спросил:

— Разве они прибыли не одновременно с тем птицеводом? И еще — того человека, что провел их в поместье, тоже проверьте. Если есть хоть малейшее подозрение, оставлять его в живых нельзя.

Начальник стражи засомневался:

— Не вызовет ли это переполох, не вспугнем ли мы истинных хозяев?

Тан Гун отмахнулся:

— Пэй Сюнцзе и шестеро старейшин годами пребывают в затворе, их судьба неизвестна. Оставили после себя сопливого мальчишку с ошипанными перьями, власть давно ускользнула из его рук. Если бы не это, разве эта вещица попала бы ко мне в руки? Порой те, кто заявляется с шумом и грохотом, вовсе не преследуют искренних целей, а вот тех, кто прячется в тени, действительно стоит опасаться.

Не успел он договорить, как раздался резкий перезвон колокольчика.

Лицо Тан Гуна слегка изменилось. Он уже собирался подняться наверх, но тут слуга доложил, что некий человек по фамилии Чу утверждает, будто у него есть срочное дело, и требует встречи лично с главой усадьбы. Тан Гун бросил через плечо:

— Есть что сказать — пусть говорит, а нет — убирается вон!

Второй этаж все еще стоял вчерне, там возвышались лишь несколько опорных столбов.

Тан Гун направился прямо в юго-западный угол и медленно повернул прислоненный к стене столб. Оказалось, что за ним скрывается вертикальный проход, в который мог протиснуться

один человек. На дне прохода виднелся слабый свет, а глубина на глаз составляла около пяти-шести чжанов.

Тан Гун легко спрыгнул вниз, бесшумно приземлился и быстрым шагом направился вглубь.

Поскольку подвал примыкал к воде, там было прохладно и сыро, а в воздухе висел липкий запах земли — сразу угадывалось, что копали в спешке.

Дойдя до конца, Тан Гун оттолкнул скрытую каменную дверь, и на него мгновенно обрушилась волна невыносимых, ледящих душу воплей.

Внутри каменной комнаты стояла деревянная бадья, доверху наполненная льдом. Юная девушка в полупрозрачных одеждах сидела в ней, судорожно вцепившись пальцами в края кадки, и, с покрасневшими от слез глазами, истошно вопила:

— Мама, мама... умоляю, убей меня! Убей меня, я больше не могу! Папа, папа! Убей же меня, убей!

Госпожа Тан сидела на коленях рядом, заливаясь слезами, но изо всех сил старалась сохранять самообладание — она непрерывно растирала тело дочери кусками льда.

Тан Гун протянул руку, надавил на макушку госпожи Тан, но стоило ему начать вливать внутреннюю ци, как девушка безумным движением отбросила его руку. Госпожа Тан с рыданиями бросилась на нее:

— Баоюнь, потерпи, еще немного потерпи, твой отец пришел, он вылечит тебя.

Тан Баоюнь неистово металась, обнажая ожоги на шее и запястьях:

— Бесполезно, дайте мне умереть! Как же невыносимо, лучше уж умереть! Умоляю вас, умоляю, помогите мне, дайте мне умереть...

Она внезапно выпрямилась и со всего маху ударилась головой о деревянный край кадки.

— Баоюнь! — вскрикнула госпожа Тан.

Видя мучения дочери, Тан Гун в конце концов не выдержал и нажал на ее точку потери сознания.

Госпожа Тан скорбно произнесла:

— Что же теперь делать? Видя ее в таком состоянии, я сама готова убить себя!

Мрачный Тан Гун тяжело вздохнул:

— Я знаком с Янь Цзэ. Получив весть, он непременно явится.

— Боюсь, далекая вода не тушит близкий пожар, может быть, лучше... лучше... — госпожа Тан робко глянула на него. — Обратимся в Дворец Бессмертных Хранителей? Эта вещь принадлежит им, вдруг у них есть способ спасти ее?

— Ни за что! — лицо Тан Гуна исказилось. — Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они узнали, что эта вещь у нас!

Госпожа Тан закричала в отчаянии:

— Но они ведь уже явились сюда, рано или поздно они все равно узнают! Не лучше ли нам первыми покаяться, глядишь, ради твоего наставника они сквозь пальцы посмотрят на это!

— Замолчи! — Тан Гун сжал кулаки, сдерживая подступающую ярость. — С теми, кто явился на порог, я разберусь сам. Сейчас нам нужно лишь надежно спрятать Баюнь и ждать прибытия Янь Цзэ.

— А если Янь Цзэ не успеет? Ты хочешь, чтобы Баюнь сгорела заживо? — госпожа Тан бросилась на него с кулаками. — Если бы не твоя жажда заполучить место тестя молодого господина Дворца Бессмертных Хранителей, разве стала бы наша дочь жертвой этой напасти?! И теперь ради своего положения в мире боевых искусств ты собираешься сидеть сложа руки и смотреть, как она умирает?

Тан Гун оттолкнул ее:

— Я ведь тоже делаю это ради нее! У нее слабые боевые навыки, братьев нет, если не позаботиться о надежном браке, то после нашей с тобой смерти как она удержит семейное дело?

В свое время он убедил госпожу Тан именно с помощью этих доводов, но теперь они звучали невыносимо резано. Какими бы ни были планы на будущее, сначала нужно это будущее дождаться. Однако, зайдя столь далеко, госпожа Тан в данный момент не видела иного выхода, а потому лишь спросила:

— Так этот Янь Цзэ точно приедет?

Тан Гун ответил:

— Он должен мне услугу.

Он не желал продолжать разговор, но тут снаружи снова раздался звон колокольчика, и под этим предлогом он удалился. Впрочем, вернулся он довольно скоро, держа в руке какую-то бумагу.

Заметив его мрачное лицо, госпожа Тан поспешно поинтересовалась, что произошло.

— Вчера в усадьбу пришли трое лекарей из императорской гвардии, они уже поселились здесь.

— Тан Гун протянул бумажку. — Только что кто-то оставил записку. В ней сказано, что самый толстый из них — сын маркиза Юнфэна.

<http://bllate.org/book/19792/1950356>